

ОТНОШЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА К ЦЕРКОВНОМУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.¹

А.И. ПАПКОВ

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: Papkov@bsu.edu.ru

В статье характеризуется церковное землевладение как один из главных источников средств для существования Русской Православной Церкви, прослеживаются основные этапы взаимоотношений государства и Церкви по вопросам ее земельной собственности во второй половине XVI – начале XVII в., а также анализируется отражение данных явлений и процессов в российской исторической литературе.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государство, вотчина, епархия, церковь, монастырь.

Русская Православная Церковь (далее – РПЦ), как любой общественный институт, для осуществления своей деятельности нуждается в материальных средствах. В России XVI – XVII вв. основным источником получения дохода была эксплуатация земли. Не являлась в этом отношении исключением и РПЦ. Данное обстоятельство диктует необходимость изучения вопросов, связанных с церковным землевладением, т.к., не учитывая их, нельзя правильно понять многие аспекты существования РПЦ в рассматриваемый период, в частности и ряд проблем государственно-церковных отношений.

Достаточно удобную классификацию источников существования РПЦ предложил в своей «Истории русской церкви» митрополит Макарий (Булгаков)². Источники содержания епархиальных владык были постоянными и случайными. К первым относились пошлыны и доходы, получаемые: а) с подведомственного духовенства и епархии по делам церковного управления и суда; б) с недвижимых имуществ кафедры. Случайными и незначительными источниками являлись: а) доходы от реализации движимого имущества; б) вознаграждения за совершение служб.

На содержание монастырей шли средства из следующих источников: а) доходы с их недвижимых имуществ; б) денежные вклады и пожертвования на поминовение; в) пожертвования натурой; г) различные виды пошлын (торговые, таможенные, пятенные), д) руга; е) приношения богомольцев. В большинство монастырей отпускалось от 1 до 4 руб., некоторые получали от 5 до 10 руб. Часть монастырей получали ругу не одними деньгами, но и хлебом, а некоторые – только хлебом и другими продуктами.

Источниками для содержания белого духовенства служили церковные земли и добровольные приношения прихожан за церковные службы и требы. Небольшие участки земли имелись практически при каждой церкви и были распределены между членами причта. Последние обычно пользовались упомянутой землей лично. Только немногие, преимущественно городские, церкви владели значительными пространствами земли (пустошами, деревнями, селами и разными угодьями), которые отдавали на оброк. Видимо, большое значение для существования духовенства имела руга, поступающая как из казны, так и от прихожан. Руга из казны большей частью назначалась на городские церкви. По всей видимости, немногие церкви могли пользоваться средствами, получаемыми от торговли. Причтам кафедральных соборов были доступны различные пошлыны (ставленные, соборная куница, за освящение нового храма и антиминс, за выдачу венечной памяти и др.).

Довольно значительными земельными владениями обладал митрополит Московский. По мере включения удельных княжеств в княжество всея Руси шел процесс объединения митрополичьих земель. Он оформлялся в виде подтверждения великими князьями всея Руси жалованных грамот, полученных митрополитами ранее от удельных князей. Постепенно, на протяжении XVI столетия митрополичьи земли стали приобретать значение цельного института, который в дальнейшем, в XVII в., был признан государством особым (уже патриаршим) ведомством.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект РГНФ 06-01-55108а/Ц).

² Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. 2. С. 136 – 142.

Владения митрополита постепенно расширялись. Частично за счет великокняжеских пожалований, но последние были более щедрыми по отношению к отдельным монастырям и не столь значительными для московской митрополичьей (затем патриаршей) кафедры. Практиковалась и покупка земель. Осуществлялась она и лично митрополитом, но чаще с доклада митрополиту и по его благословлению митрополичьим дворецким, дьяком или боярином. Приобретались, с разрешения князя, волостные земли, вотчины и земли, ранее купленные продавцом. Еще одним способом получения угодий были земельные вклады. Вклады делались соборной церкви, домовым монастырям митрополита, на имя самого митрополита или приходским церквям в митрополичьих владениях. Имелись также случаи передачи земель приходских церквей в ведение и владение домовым монастырям, а также присоединение к митрополичьим владениям монастырей со всем их имуществом³.

По мнению М.И. Горчакова, государство вплоть до XVI в. признавало за митрополичьей кафедрой право полной собственности на ее земли. В это время светская власть не только не считала увеличение площади церковных земель противоречащим своим интересам, но и содействовала ему. После объединения русских земель в XVI в. государство убедилось, что переход значительного количества земель в неотчуждаемую собственность Церкви мешает обществу иметь эти земли в обращении и, следовательно, ослабляет развитие светской власти. Результатом стало стремление прекратить увеличение церковных земель, а в дальнейшем возникла мысль о распространении влияния государства на земли, уже закрепленные за Церковью.

Впервые в 1551 г. Иван IV издал общую жалованную грамоту для всех земель митрополита. Этим была заложена основа для превращения митрополичьих владений в особый институт в государстве, который окончательно оформился к концу XVI в. в виде патриарших вотчин⁴. Изучение патриарших вотчин XVII в. как имущественного и общественно-государственного института позволило М.И. Горчакову сформулировать следующие положения. Во-первых, патриаршие вотчины были государственным имуществом, которое состояло во владении, пользовании и управлении патриарха, не только со стороны имущественной, но и по всем частям государственной их жизни. Во-вторых, все права патриарха по отношению к его вотчинам утверждались пожалованием от царя. В-третьих, субъектом этих прав была должность или сан патриарха как высшей правящей власти в РПЦ, или лицо, облеченное в этот сан и занимающее эту должность и действительно исправляющее ее. В-четвертых, права патриарха в его вотчинах осуществлялись через учреждения и лиц, имевших по своему существу государственный характер⁵.

Митрополит Макарий (Булгаков) отметил разнообразие видов недвижимости, принадлежавшей архиерейским кафедрам, монастырям и церквям. Он разделил их на четыре категории: а) дома, дворы, подворья, огороды; б) различные хозяйственные строения и заведения (мельницы, лавки, соляные варницы и пр.); в) ненаселенные угодья: пашни, леса, луга, реки и озера с рыбными ловлями, бобровые гоны, борные угодья и пр.; г) населенные земли (починки, деревни, села, слободы и даже целые волости). Церковные имения являлись собственностью отдельных учреждений РПЦ. Они принадлежали архиерейским кафедрам, монастырям, храмам. Каждый владыка распоряжался имениями своей кафедры совершенно самостоятельно и независимо от митрополита. Каждый настоятель монастыря вместе с братией и настоятель церкви с причтом совершенно самостоятельно распоряжались владениями своего монастыря или церкви, независимо от своего епархиального архиерея⁶.

Церковные земли – это земли, с древних времен выдававшиеся для обеспечения содержания русского духовенства. До патриаршества Филарета отвод церковных земель считался необязательным. Филарет впервые в 20-х гг. XVII в. сделал непрочные традиции правилом. Во время государственной переписи земель, проводившихся правительством царя Михаила Федоровича, началось наделение церквей писцовыми землями, но проводилось оно очень медленно. С этого времени, при описании церковных десятин патриаршей области,

³ Горчаков М. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода. СПб., 1871. С. 45; С. 85 – 90; С. 101 – 102.

⁴ Там же. С. 166 – 168.

⁵ Там же. С. 441 – 442.

⁶ Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. IV. Ч. 2. С. 115; С. 127.

церкви отводились определенные участки земли размером от 10 до 20 десятин в поле (здесь и далее количество земли приводится по трехпольной системе, когда измерялся один из трех равных участков. – А.П.). Церковная земля была свободна от государственного тягла⁷.

Большинство храмов в центральных областях страны располагалось на территории крестьянских общин. Последние отмежевывали церквам земли или назначали им натуральное содержание. По праздникам, четыре раза в год, причт собирал с прихожан «запросы» (как правило, в натуральном виде). А.А. Преображенский, рассматривая значение РПЦ в российской истории XVII в., заметил следующее характерное обстоятельство: в некоторых местностях, особенно там, где среди жителей преобладали государственные крестьяне, поставление в священники осуществлялось довольно своеобразно. Архиереи в ряде случаев мирились с тем, что священниками становились не дети попов и причетников, а выборные люди из крестьянских и посадских общин. При этом сообщества крестьян волости, погоста или жителей посада сами решали вопрос о новом священнике⁸. Содержание причта за счет общины давало последней определенные права. Так, приискание священников на вакансии в приходах составляло обязанность вотчинников или приходских общин, но, вместе с тем, оно продолжало оставаться и ктиторским правом не только первых, но и вторых. Более того, вотчинники и общины могли отказаться принять священника, присланного своим епархиальным архиереем. Государственные крестьяне стремились открывать как можно больше приходов у себя для удобства исполнения церковных треб. Аналогично поступали и вотчинники, только их мотивом было боярское самолюбие. Следствием явилось значительное число церквей, «стоявших без пения». Дело в том, что после постройки нового храма за минимальную ругу или небольшой земельный надел находился кандидат в священники, но, будучи возведен в сан, он, зачастую, спустя небольшое время уходил искать себе более выгодный приход.

Несколько иной видится ситуация в южных, приграничных уездах Российского царства. Этот регион во второй половине XVI в. только начинал осваиваться. Он не имел значительного населения, и земли здесь распределяло государство. В итоге, окраины можно считать территориями, где господствовало мелкое служилое землевладение. Здесь практически не было не только крупных боярских вотчин, но и значительных монастырских земельных владений. В подавляющем большинстве случаев отдельные учреждения РПЦ (храмы и монастыри) получали земли от государства практически на тех же условиях, что и большинство населения региона. Поэтому ни у церквей, ни у общин не было каких-либо особых прав, подобных тем, что имелись у крестьянских или посадских общин Центра и Севера России, а государство не только занималось решением проблем материального обеспечения храмов и монастырей, но и замещением церковных вакансий.

Стоглавый собор в середине XVI в. запретил строить лишние церкви, которые не обеспечивались средствами, необходимыми для их существования и функционирования. Решения того же собора сохранили за Церковью право приобретать земли, но только с согласия государя. В 70-й главе «Стоглава» содержится распоряжение, адресованное всем правящим архиереям. Они должны были выявить все запустевшие храмы в своих епархиях. Для восстановления их деятельности надлежало установить льготы для упомянутых церквей на 15 лет, а в дальнейшем следить, чтобы запустевших храмов не было⁹. Вместе с тем, глава 84 предписывала епископам строго контролировать процесс сооружения храмов в своих епархиях. Архиереи обязывались не допускать строительства мирянами новых церквей, а также небрежного содержания уже имеющихся. Причиной подобных решений была распространенная практика постройки храмов «из тщеславия», вследствие чего новые церкви не снабжались иконами, богослужебными книгами, свечами и прочим необходимым имуществом. Впрочем, нередкими были случаи, когда храмы сначала исправно содержались, а спустя небольшое время средств на их

⁷ Сахаров А.Н. Русская деревня XVII в. по материалам патриаршего хозяйства. М., 1966. С. 42 – 43.

⁸ Преображенский А.А. О православной церкви в истории России XVII века // Православная церковь в истории России. М., 1991. С. 94.

⁹ Российское законодательство X – XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 349.

содержание не хватало. Тогда, когда возродить запустевшую церковь было невозможно, ее необходимо было перенести к другому храму, в котором надлежало устроить придел во имя того святого, которое носил упраздненный храм («чтобы было безгрешно»)¹⁰.

Помимо «Стоглава», собор 1551 г. издал еще три отдельных приговора, последний из которых помещался обычно в деяниях собора в качестве 101-й главы. И если второй приговор, о запрете на выкуп вотчин, повторял 75-ю главу «Стоглава», то первый и третий – дополняли и изменяли предшествующие решения. Первый приговор запрещал впредь святителям и монастырям покупать вотчины (а всем подданным – продавать их им) без доклада царю. В противном случае купленные вотчины должны были быть отобраны на государя безвозмездно. Третий гласил: милостыни и руги остаются за монастырями, но только те, которые были установлены при деде и отце Ивана IV, а данные в последующее время полностью отменяются для всех монастырей¹¹.

Платежеспособность владений светских феодалов, мелких монастырей и черносошных крестьян к 70-м гг. XVI в. резко снизилась в результате разорения. Правительство и его местные сборщики довольно бесцеремонно облагали двойным окладом «живущие» монастырские земли. По предположению С.М. Каштанова, соглашаясь на уплату очередного денежного оброка за ямские деньги и другие основные налоги, монастыри упорно добивались отмены для своих крестьян натуральных государственных повинностей. В таком случае появлялась возможность усиленной эксплуатации жителей монастырских вотчин. Результатом стало широкое проникновение в иммунитетные грамоты, выдававшиеся духовным феодалам, постановлений, освобождавших вотчинных крестьян от ряда натуральных повинностей¹². Думается, что такая политика имела большое значение для небогатых монастырей Юга России, т.к., в силу специфики приграничного региона, натуральные государственные повинности были здесь очень распространены. Вместе с тем, следует помнить, что большинство упомянутых монастырей не имели значительного крестьянского населения на своих землях.

В 1573 г. был принято решение о наделении казенными землями только бедных монастырей. Серьезные ограничения были установлены и относительно поступления в монастыри земель от частных владельцев. В крупные монастыри, имевшие значительные земельные владения, было велено вотчин не давать и в поместной избе их не записывать. Эти вотчины следовало отдавать служилым людям — родственникам умершего владельца. При этом отменялась возможность выкупа из монастыря наследниками покойного завещанной им монастырю вотчины. Также была сделана уступка по отношению к небольшим монастырям. Они могли получать земельные вклады, но только «с доклада государю»¹³. С 1580 г. села, завещанные «на помин души», отдавались родственникам покойного. Последние были обязаны возвращать в монастырь стоимость земли деньгами. В случае отсутствия наследников, земли отходили государю, а вознаграждение выплачивалось из казны¹⁴. Земли, находившиеся у Церкви в закладе, должны были перейти в собственность государя. Он же получил право отобрать земли, пожалованные ранее Церкви служилыми князьями. В дальнейшем РПЦ запрещалось покупать или брать в залог земли. В том же случае, если у бедного монастыря было мало земли, он имел право обратиться к царю. Последний, посоветовавшись с митрополитом и боярами, мог пожаловать в этот монастырь земельные владения, «чтобы ему можно было жить»¹⁵. Земли, приобретенные монастырями до 15 января 1580 г., оставались за ними и не подлежали выкупу. Но теперь запрещалось давать земли в монастырь «по душе», разрешались только денежные вклады. Впредь монастыри лишались права покупать и держать земли в закладе.

Таким образом, церковный собор 1580 г. принял решение об ограничении церковного землевладения, но, вместе с тем, гарантировал неприкосновенность монастырских земель. Собор 1580 г. обосновал этот приговор тем, что Российское царство окружено врагами, а у служилых людей недостаточно средств для существования и полноценного исполнения своих

¹⁰ Там же. С. 361 – 362.

¹¹ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. Ч. 1. С. 136.

¹² Каштанов С.М. Рост государственных повинностей во второй половине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 293.

¹³ Горчаков М. Указ. соч. С. 92.

¹⁴ Знаменский П.В. История русской церкви. М., 1996. С. 164.

¹⁵ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. Ч. 1. С. 125 – 126.

обязанностей. Характеризуя упомянутые решения, следует помнить, что основанием для их принятия был недостаток материальных ресурсов для ведения Ливонской войны и необходимость обеспечить служилых людей поместьями. Сохранились два текста приговора церковного собора 1580 г. о монастырском землевладении. Один датируется 15 января 1580 г., а другой – 15 января 1581 г. При этом разница между их текстами невелика. В научной литературе существуют две точки зрения на взаимоотношения текстов упомянутых приговоров. Первая – это два различных уложения. Вторая – текст 1581 г. является сокращенной выпиской из приговора 1580 г. В настоящее время вторая точка зрения представляется более обоснованной¹⁶. Это решение было подтверждено новым собором, собравшимся после смерти Ивана IV (20 июля 1584 г.). Последний собор также отменил тарханы¹⁷. Теперь ни митрополит, ни епископы, ни монастыри не могли получать земли от вотчинников путем покупки или передачи в залог. Приговор 1584 г. привел к тому, что приток владений в монастыри практически прекратился¹⁸.

Реализация изложенных выше соборных решений могла привести к резкому изменению правительственной политики по отношению к церковным и монастырским владениям. В таком случае реальным становился значительный рост денежных поступлений в казну. Однако приговоры были нарушены самим правительством¹⁹. Несмотря на постановления церковных соборов 1580 и 1584 гг., ограничивших рост церковного землевладения, приобретение земель монастырями и архиерейскими кафедрами продолжалось.

Обобщая все вышеизложенное, можно утверждать, что государственная политика второй половины XVI – начала XVII в. характеризуется не столько ограничением церковного землевладения, сколько его регламентацией и стремлением упорядочить сложившуюся аграрную систему в масштабах всего государства. Причина таких действий кроется в желании правительства улучшить финансовую ситуацию и получить дополнительные средства, необходимые для решения ряда внешнеполитических задач. Видимо, поэтому и само правительство в ряде случаев отступало от вводимых им же самим ограничений.

THE RUSSIAN STATE POLICY TOWARDS THE CHURCH LAND OWNERSHIP IN MID-XVI – EARLY XVII CENTURY

A.I. PAPKOV

Belgorod State University
e-mail: Papkov@bsu.edu.ru

The author characterizes the Church land ownership as one of the major sources for the Russian Orthodox Church maintenance, reveals the main stages of the State-Church interactions on the matters of the Church land ownership in mid-XVI-early XVII century. Also, the reflection of these phenomena in the Russian historical literature is analyzed in the article.

Key words: Russian Orthodox Church, state, feudal estate, eparchy, Church, monastery.

¹⁶ Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 59.

¹⁷ Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. IV. Ч. 2, с. 174 – 177; Горчаков М. Указ. соч. С. 93; С. 100.

¹⁸ Зимин А.А. Указ. соч. С. 124.

¹⁹ Смолич И.К. Русское монашество. М., 1997. С. 106 – 107.

